

нивъ уста наши хвалы. Какъ даешь Ты молитву молящимся, дабы мы знали, о чемъ и какъ нужно просить, такъ и для прославленія твоего даруй силу устамъ нашимъ. Затѣмъ просятъ о томъ, чтобы, при содѣйствіи Его помощи, сохранить въ цѣлости освященіе, которое они пріяли, и не измѣнить благодати и не погубить дара. *Сохрани насъ въ твоей святости,*— насъ, что дѣлающихъ?—(ибо нужно и съ нашей стороны содѣйствіе)— *весь день поучающихся правдѣ твоей:* правдою (здѣсь) называютъ созерцаемую въ молитвахъ премудрость и чело-вѣколюбіе Божіе, какъ это объяснилъ Павелъ: не стыжусь, говоритъ, Онъ благовѣствованія Божія; ибо въ немъ открывается правда Божія во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ (Рим. 3, 22). Размышленіе объ этой правдѣ можетъ сохранить въ насъ освященіе: ибо оно и вѣру въ Бога умножаетъ, и любовь возжигаетъ, и не позволяетъ ничему худому войти въ душу. Слѣдовательно не напрасно мы выше сказали, что безъ соответствующихъ таинствамъ помысловъ невозможно быть и пребывать въ насъ освященію.

Г л а в а 42.

Объ усопшихъ, именно о томъ, освящаются ли они отъ даровъ таинствъ, подобно живымъ.

Необходимо, сверхъ сказаннаго, изслѣдовать и это. Извѣстно, что божественное и священное таинство освящаетъ двоякимъ образомъ: во первыхъ, чрезъ ходатайство, такъ какъ приносимые дары тѣмъ самымъ, что приносятся,

освящаютъ приносящихъ и тѣхъ, за кого приносятъ, и умилостивляютъ въ отношеніи къ нимъ Бога; во-вторыхъ—черезъ причащеніе, потому что они бываютъ для насъ истинною, по слову Господа, пищею и питіемъ. Изъ этихъ способовъ первый общъ и живымъ и умершимъ: ибо и за тѣхъ, и за другихъ жертва приносится; а второй доступенъ однимъ живымъ потому, что мертвые не могутъ уже ѣсть и пить. Что же? Поэтому умершіе и не освящаются этимъ освященіемъ отъ причащенія и въ этомъ отношеніи имѣютъ менѣе живыхъ? Нѣтъ; ибо и имъ Христосъ преподаетъ самага Себя такъ, какъ самъ знаетъ. А чтобы это было видно, рассмотримъ, отъ чего зависитъ освященіе, и не имѣютъ ли того и души умершихъ, подобно живымъ. Отъ чего же зависитъ освященіе, отъ того ли, что мы имѣемъ тѣло, что приходимъ ногами къ трапезѣ, что беремъ руками святыя (дары), что принимаемъ ихъ устами, что ѣдимъ и пьемъ? Нѣтъ: ибо многіе, у которыхъ все это было и которые такимъ образомъ приступали къ таинствамъ, не получили отъ того никакой пользы и отошли, подвергшись большому злу. Такъ что же бываетъ причиною освященія для освящаемыхъ? И чего требуетъ отъ насъ Христосъ? Это — чистота души, любовь къ Богу, вѣра, желаніе таинства, ревность къ причащенію, горячее усердіе и то, чтобы мы приходили съ жаждою. Вотъ чѣмъ пріобрѣтается это освященіе, и что необходимо имѣть тѣмъ, которые приходятъ содѣ-

латься причастниками Христа, и безъ чего невозможно (освященіе). Но все это не относится до тѣла, а зависитъ отъ одной души. Слѣдовательно ничто не препятствуетъ, чтобы и души умершихъ могли имѣть это, подобно живымъ.

Поэтому, если души имѣютъ готовность и расположенность къ таинству, а Господь, который освятилъ и совершилъ (его), всегда желаетъ освящать и хочетъ всякій разъ преподавать самаго Себя; то что можетъ воспрепятствовать приобщенію? Очевидно, ничто. Въ такомъ случаѣ, скажетъ кто-нибудь, если кто и изъ живыхъ будетъ имѣть въ душѣ тѣ добрыя качества, о которыхъ мы сказали, то хотя бы и не приступалъ къ таинствамъ, тѣмъ не менѣе получить отъ нихъ освященіе? Не всякій, но только тотъ, кто, подобно душамъ умершихъ, не можетъ приступитъ къ нимъ тѣлесно, каковы были скитавшіеся въ пустыняхъ, въ горахъ, вертепахъ и разсѣлинахъ земныхъ, которымъ невозможно было видѣть жертвенникъ и священника. Этихъ людей самъ Христосъ очевидно освящалъ симъ освященіемъ. Изъ чего это видно? Изъ того, что они имѣли жизнь въ себѣ, а они не имѣли бы, еслибы не приобщались сего таинства: ибо самъ Христосъ сказалъ: *аще не съѣсте плоти Сына человеческого, и не пїете крови его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53), и, въ ознаменованіе этого, ко многимъ изъ сихъ святыхъ посылалъ Ангеловъ съ дарами. Если же кто можетъ, не не станетъ присту-

пять къ трапезѣ, тому совершенно невозможно получить освященіе, не потому, что онъ просто не приступаетъ, но потому, что можетъ, но не приступаетъ, и чрезъ то показываетъ, что въ его душѣ нѣтъ тѣхъ добрыхъ качествъ, какія нужны для таинствъ. Какое, въ самомъ дѣлѣ, усердіе и желаніе приступать къ трапезѣ у того, кто легко можетъ приступитъ къ ней и—не хочетъ? Какая вѣра въ Бога у того, кто не боится содержащейся въ словахъ Господа угрозы всѣмъ, презирающимъ эту вечерю? И какъ можно повѣрить любви того, кто, имѣя возможность взять, не беретъ? Посему нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что Христосъ отрѣшившимся отъ тѣла душамъ, которыхъ не могъ обвинить ни въ одномъ изъ подобныхъ недостатковъ, преподаетъ эту трапезу. Необыкновенно и чудно то, что человѣкъ тлѣнный ястъ тѣло нетлѣнное; а что душа—существо безсмертное пріобщается, соотвѣтственнымъ ей образомъ, того, что безсмертно, — что въ этомъ удивительнаго? Если же (Господь), по неизреченному человѣколюбію и по непостижимой премудрости, нашелъ, какъ осуществить то, что необыкновенно и чудно, то какъ не повѣрить, что Онъ совершаетъ то, что вѣроятно и естественно?

ГЛАВА 45.

О томъ, что освященіе главнымъ образомъ сообщается душѣ причащающагося.

Вѣдь и у тѣхъ, которые живутъ еще въ тѣлѣ, даръ, хотя сообщается чрезъ тѣло, но